

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

№ 89.

П Я Т Н И Ц А.

7-е Сентября.

1862.

Подписная цѣна на Прибавленія:
Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки. и пересылкою.
За годъ 2 р. 2р. 50к. с.
—полгода 1р. 25к. 1р. 60к. с.
На Губернскія Вѣдомости:
Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85к.
За доставку на домъ или пе-
ресылку по почтѣ въ годъ 50 к.

Подписаніе на оба изданія
платить за пересылку или до-
ставку только 50 коп. сереб.

Подписка принимается въ Кон-
торѣ Редакціи, въ нижнемъ эта-
жѣ дома Губернскихъ Присут-
ственныхъ мѣстъ.

Частныя объявленія принима-
ются за букву и цифру по 1/7
коп. сер. за каждый разъ.

Статьи для напечатанія и вообще всякаго рода извѣстія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: Приглашеніе.—Два мѣсяца семейной жизни.—О братствахъ.—Дневникъ.—Отвѣты Редакціи.—Частныя объявленія.—

Слѣдующій № выйдетъ въ Среду, 12-го
сентября.

ПРИГЛАШЕНИЕ.

Совѣтъ ИМПЕРАТОРСКАГО Харьковскаго Универ-
ситета имѣть честь довести до свѣдѣнія публики,
что празднованіе годичнаго университетскаго акта
будетъ происходить 8 сего сентября. Любители и
любительницы отечественнаго просвѣщенія, желаю-
щие почтить своимъ присутствіемъ актъ, пригла-
шаются пожаловать означеннаго числа, въ 7 ча-
совъ вечера, въ залъ торжественныхъ собравій уни-
верситета.

ДВА МѢСЯЦА СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

(Отрывокъ изъ разсказа — «Жизнь въ лучшихъ
переулкахъ губернскаго города») (*).

Былъ славный осенний день; солнце ярко свѣти-
ло, воздухъ чистый, весенний; на небѣ ни облачка—
такъ хорошо, привольно. Всякій хотѣлъ гулять,
ышшать этимъ воздухомъ, невольно припоминая, что

(*) Разсказъ, отрывокъ изъ котораго предлагается читателямъ, готовится авторомъ для одного изъ столичныхъ изданій. Г. Костровскій (еще только выступающій на литературное поприще) проѣздомъ чрезъ Харьковъ въ Москву, читалъ почти весь разсказъ на семейномъ вечерѣ у одной духовной особы, где и мы съ удовольствиемъ провели часъ—другой, слушая его чтеніе. Мы про-
сили автора удѣлить и намъ, что нибудь ли полу-
чили отъ него, предлагаемый въ сегодняшнемъ №
отрывокъ, при слѣдующей запискѣ: «М. Г! Испол-
няя ваше желаніе, посыпаю вамъ частичку моего

вотъ-вотъ его не будетъ уже. На главныхъ улицахъ города бродили толпы гуляющихъ всѣхъ половъ, возрастовъ, званій и состояній. Всѣ смотрѣли такъ весело, довольно. Кажется, только больные да безногіе и не выходили сегодня изъ дома хотя на полчаса. Не идеть гулять и Марья Васильевна наша; ей не до того теперь: тепло, солнце свѣтить—она и знать не хочетъ. Суетится она, укладываетъ свои пожитки въ сундучекъ и думаетъ о другомъ. Вокругъ ея давно уже ей кажется такой сумракъ, такая невзгода. «Вотъ-вотъ и для меня солнышко проглянетъ», думаетъ она и беретъ съ угольника икону, благословеніе отца, хочетъ класть ее въ сундукъ; нагнулась и..... горько-горько заплакала.» Что, если тамъ еще хуже будетъ?» бросилось ей на мысль. И она готова уже была оставаться опять на старомъ мѣстѣ, терпѣть все, казавшееся ей такимъ страшнымъ, уродливымъ, но лишь-бы не разставаться съ своею дочерью, 5-тилетнею Сашею. А бѣдный ребенокъ и не знаетъ, что мать хочетъ оставить его. Саша весело бѣгаєтъ теперь по аллѣе городского сада и только просить гувернантку погулять еще. Сильнѣе полились слезы у Марии Васильевны. «Саша, Саша! На кого я оставляю тебя? На кого я мнѣю?» Еще рѣшительнѣе взялась она за лежавшую сверху въ сундукѣ вещь, съ намѣреніемъ положить ее на прежнее мѣсто. «Богъ съ нимъ, думаетъ она, пусть ругаетъ, бранится, а не поѣду я отсюда, не оставлю своей Саши!» Утираетъ слезы, веселѣе стала смотрѣть, слышитъ въ прихожей отвориь кто-то дверь, она съ веселою улыбкою бросилась туда, думая встрѣтить Сашу.

«Ахъ, Боже мой, такъ рано; пускай послѣ» говоритъ Марья Васильевна пришедшей женщинѣ.

—Петръ Иванычъ записку прислали.

разсказа. Глава эта, признаюсь, менѣе прочихъ готова у меня къ печати, но отдаю вамъ ее потому только, что она, болѣе другихъ, представляетъ нѣчто отдельное. Пусть извинятъ ваши читатели. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Имѣю честь и проч.» Надѣемся, что читатели, ознакомившись, хотя немного, съ авторомъ по предлагаемому отрывку, пожелають ему полного успѣха на избранномъ поприщѣ.

Ред.

Читаетъ она: «Маша! Все устроено; квартирка твоя—миленъкая. Не бери ничего, кроме носильнаго платья. Мебели много. Черезъ часъ я пришлю подводу—будь готова. Боже! дождусь ли я этого счастія? И я теперь веселѣе и здоровѣе дѣлаюсь! Другъ мой, Маша! Какъ хорошо мы будемъ жить! Будь же готова. Твой Петръ Клеверовъ».

«Господи, что мнѣ дѣлать? И его жаль; ну, да къ Сашѣ я буду ходить....

«Скажи, хорошо»—проговорила она женщина, принесшей записку, и пошла опять укладывать вещи. Опять слезы; смотрѣть жалко на бѣдную женщину. «Несчастная я!» говоритъ она и начинаетъ припоминать свое прошлое. Безотрадно оно. Матери своей она и не помнить. Двухлѣткою осталась безъ нея, на рукахъ отца, доброго, умнаго и честнаго старика. Любилъ отецъ свою Машу и на рукахъ у него выростала она. Стала подростать, онъ самъ училъ ея читать, игралъ съ нею, рассказывалъ, пѣлъ пѣсенки и стало Машѣ уже десять лѣтъ. Надо было серьезнѣе подумать объ ея образованіи. Жили они въ хуторкѣ не богато, но безъ нужды. Честнымъ трудомъ стариочекъ скопилъ не большой капиталъ на воспитаніе дочери. Пришла пора. Отвезъ онъ Машу въ губернскій городъ въ пансіонъ. Поплакала немногіо спротка, а послѣ и свыкалась, ознакомившись и подружившись съ своими подругами. Изрѣдка только, улегшись спать, она плотно укутывалась одѣломъ и головеньку свою закрывала; горько-горько плакала она, вспомнивъ домашніе вечера. Тамъ же было подругъ, не съ кѣмъ было бѣгать, да папаша тамъ: онъ лучше, дороже всѣхъ ихъ. Добroe сердце было у Маши; къ счастію, пришлось ей попасть въ такой пансіонъ, где хотя и не учили ничему полезному, но и не создавали изъ молодыхъ созданій, какихъ-то кукль, готовыхъ только ридиться да кокетничать. Съ добрымъ сердцемъ такъ и вышла Маша изъ пансіона. Весело и отрадно стало ей, когда она опять начала просиживать дни и вечера съ отцемъ, помогая уже ему: писала кое-какія письма, другія переписывала, исполняла порученія его по хозяйству. Счастлива была Маша, ничего лучшаго и не желала она. Добroe, чистое сердце ея просило только безконечно долгой такой жизни съ отцемъ.

Женихи, наряды никогда и на мысль не приходили ей. А тут какъ на бѣду черезъ полгода и началъ уже свататься за нея чиновникъ губернскій, жившій въ ихъ хуторѣ по какому-то дѣлу. И не чувствовала она къ нему ни малѣйшей антипатіи, а о замужествѣ и слышать не хотѣла. Еще-бы помнилась она съ этою мыслю, если-бы и съ мужемъ жить въ хуторѣ, около отца; а то, какъ вспомнить, что вышедши замужъ надоѣхать опять на житѣе въ городѣ, такъ и страшно и противно становить ей замужество.

А старику понравился женихъ; онъ уменъ, добръ, честенъ—чего-же еще? Молодъ не много? Ну, да вѣдь не всю-же жизнь будеть такимъ, не долго уже и до возмужалости. Прошло такъ съ полгода, а можетъ и болѣе, въ переговорахъ и... Марья Васильевна прїехала въ губернскій городъ уже замою. Молодое, доброе созданіе—она скоро всѣй душою привязалась къ мужу и мирно, тихо и счастливо стала проходить ихъ семейная жизнь. Не налюбуются другъ другомъ; поѣдуть куда въ гости—спѣшать оттуда домой: тамъ душно, тѣсно. Домой прїѣдутъ: онъ садится за бумаги—она возлѣ него; любуется имъ, смотритъ на него да вдругъ подскочить и поцѣлуешь. Аркадія счастливая! Не долго пришлось имъ ждать и плода своей любви,—черезъ годокъ у нихъ была уже дочь Саша. Какая радость для всѣхъ! И дѣдушка-то прїѣхалъ на этотъ случай въ городѣ; порадовался, понячиль свою жданную внучку да и.... умеръ, простудившись. Тутъ у Мары Васильевны опять слезы, опять сожалѣніе. Еще сильнѣе привязалась къ мужу. Да иначе и быть не могло. У ней не было никакихъ достоинствъ, кромѣ добра, любящаго сердца. Умные люди говорятъ—слава Богу, если у женщины есть и это качество. Оно было одно и у Мары Васильевны. Занятій, труда у ней не было. Она готова была жить сердцемъ, и на это направлена были ея силы. Она теперь всецѣло отдалась своему мужу; не знала другого закона кромѣ его слова; не признавала ничѣй власти, кромѣ его желанія; ловила его взгляды, понимала ихъ, ждала его со службы, рвалась къ нему на встречу, горько плакала, когда бывало случится запоздать ему и за все это получила, разумѣется, не очень

скоро, такого рода любезность: «Сударыня, вы наскучили мнѣ»!

А наскучила она потому, что попалъ онъ въ аристократический кругъ, немного разбогатѣлъ, отдался весь вѣшности и не подѣ стать уже стала ему жена, которая не могла блеснуть ни изяществомъ рѣчи въ гостинной, потому что и понятія не имѣла о свѣтской болтовнѣ, не могла броситься въ глаза и нарядами, потому что отъ всей души презирала ихъ и которая могла только предложить ему искреннюю любовь, да готова была, съ своимъ не хитрымъ, домашнимъ умомъ, радѣть о дѣтяхъ своихъ..... Осталась теперь бѣдная женщина одна съ ребенкомъ. Пусто вокругъ ея: ни родныхъ, ни друзей, лишь тяжко на душѣ. Прожила истинной монахиней годъ, другой; все ждала прежней жизни и никакой отрады, ничего пріятнаго; лишь слезы да слезы. Да развѣ-же это жизнь? Долой ея!

Прошло два года. По вечерамъ она начала уже выходить гулять, а съ нею и нашъ знакомецъ Петръ Иванычъ Клеверовъ (*). Все чаще и чаще сталъ онъ посѣщать ее. Въ городѣ заговорили уже.... отъ нечего дѣлать, надо полагать. Въ полицію къ допросу не потянутъ—почему-же и не поболтать? Идетъ время. Веселѣе и разговорчивѣе становится Марья Васильевна. Да такъ и слѣдуетъ: дайте человѣку занятіе по его силамъ и согласно его желанію,—онъ будетъ занятъ, ему некогда скучать. Такъ и съ нашей полувдовушкой—нашлась пища ея сердцу, она ожила, воскресла. «Теперь я опять счастлива», думаетъ она, а о томъ и не вспомнить, что счастье играетъ нами по произволу. И слава Богу, что не вспадало это ей на мысль: все таки болѣе отрадныхъ, не отравляемыхъ ничѣмъ мрачнымъ, минутъ выпадало на ея долю. Вѣдь только съ Клеверовымъ и была счастлива она. Только съ нимъ и забывала всѣ оскорблѣнія, всѣ дразги и непріятныя мелочи, которыми окружилъ теперь ее супругъ. Увлеклись они другъ другомъ. Еще противнѣе стало все окружающее для Мары Васильевны; Еще сильнѣе оскорбляли ее всѣ

(*) Въ одной изъ предыдущихъ главъ разскажа авторъ подробно очерчиваетъ эту личность.

дрягги и мелочи. Годъ назадъ она требовала отъ мужа денегъ на необходимое, требовала равныхъ правъ въ домѣ, уваженія отъ всѣхъ живущихъ съ нею. Теперь послушайте ее. «Господи! говоритъ она, возмі у меня послѣднее платье, пусть буду я нищей, но дай мнѣ волю, дай мнѣ возможность жить независимо!» Объ этомъ она просила Бога; объ этомъ постоянно говорила съ Клеверовымъ; это, и только это, всегда занимало ее мысль. И сны то ей видѣлись такие заманчивые, подстрекающіе къ жизни независимой. Прійтѣть, бывало, Клеверовъ, а она ему: «Знаешь, говоритъ, какой я сонь сегодня видѣла? Будто мы съ тобой купили домикъ, тамъ, далеко на концѣ города, комнатки маленькия, чистенькия и я будто убираю свою спальню и все высматриваю тебя. Такъ приятнно, Сашѣ только жаль было». «Господи», кончала она, «будь у меня хотя 25 р., бросила бы этотъ проклятый домъ, наняла бы себѣ маленькую комнатку, брали бы работу и жила, не зная никого и не завися ни отъ кого.» Не отвѣчалъ на это Клеверовъ ничего, но стала задумываться онъ послѣ такихъ разсказовъ Марыи Васильевны. Прійтѣть отъ нея домой, ходить—ходить по комнатѣ, да и подумаетъ: «Ну, гдѣ бы взять 25 р. сер.?» Бывали и такія минуты, что Клеверовъ сомнѣвался въ готовности Марыи Васильевны трудиться; казалось ему, что и мебельто въ бѣдной квартирѣ покажется ей жесткою, послѣ мягкихъ кресель, невѣроятнымъ ему казалось, что-бы она, строго обдумавши, рѣшилась оставить домъ. «Вѣдь она раздражена только неудачами», думалъ Клеверовъ. «Если-бы хотѣла она трудиться, могла бы и дома. Ей наскучило одно и тоже каждый день, она и рвѣтся къ новому, ищетъ его.» Но не долго задумывался онъ надъ этими мыслями. Ему и самому хотѣлось видѣть Марыю Васильевну свободною, хозяйкою хотя маленькой, на нанимаемой за трудовыя деньги, комнатки. И шелъ онъ къ ней и самъ усиливалъ ея желаніе вырваться на свободу. Только о ней и была рѣчь у нихъ.—Прошло уже съ полгода. Клеверовъ нежданно—негаданно получилъ награды 50 р. сер. Сыншилъ онъ съ нею къ Марыи Васильевнѣ. Съ веселымъ лицемъ вѣтгаєтъ къ ней.

«Ну, Маша, меня такъ сегодня...»
А Маша не даетъ договорить ему.

—Господи, говоритъ она ему, сквозь слезы,—сегодня такъ оскорбили меня! и передаетъ ему о како-
кой-то дерзости, родственника мужа».

«Полно, другъ мой», говоритъ Клеверовъ. «По-
смотри вотъ и онъ даетъ ей бумажникъ.

«Теперь эта пробка не оскорбитъ уже тебя ни
чѣмъ. Будемъ жить не-богато, но счастливо.»

—Такъ-то такъ, да Сашѣ жаль, говоритъ Марыя
Васильевна.

«Ты будешь ходить къ ней каждый день; кто
можетъ запретить тебѣ это? Саша не отвыкнетъ
отъ тебя, не забудетъ тебя».

Долго говорили они. Марыя Васильевна то согла-
шалась, оириалась на «авось» и «будь, что будетъ»,
то колебалась, говоря, что «хорошо, если нужды
терпѣти не буду, а не дай Богъ».... Начинались
увѣренія, обѣщанія, успокоенія и кончились тѣмъ....
мы застали Марыю Васильевну въ началѣ главы за
занятіемъ, которое явилось результатомъ совѣщаній.

Наступали сумерки. Клеверовъ спѣшилъ въ свою
новую квартиру. Далеко она. Въ одномъ изъ пред-
мѣстій города, гдѣ живутъ только бѣдные ремеслен-
ники, торговцы толкучаго рынка, да лица сомнѣ-
тельнаго поведенія, наиль онъ двѣ комнатки, чи-
стенькия, уютненькия. Марыя Васильевна просила его
нанять только одну комнатку, для себя самой, но
онъ наиль двѣ и уже перевезъ свои пожитки.
«Раскапризится», думалъ онъ, «ну, да я уговорю
ея; а не согласится—перейду; хотя денежка а пожи-
ву вмѣстѣ съ нею». «Молодъ я былъ тогда» гово-
рилъ онъ послѣ.

Стемнѣло. Въ дворъ къ Марыи Васильевнѣ вѣ-
халъ ломовой извозчикъ. Быстро наложили на
повоzку имущество ея, сама она сѣла на дожидав-
шуюся у воротъ биржу и поѣхала впередъ съ
Клеверовымъ. Возъ съ поклажею не отставалъ отъ
нихъ. Бѣхали тихо; всю дорогу Марыя Васильевна
посыпала благословенія оставленной Сашѣ, то пла-
кала, то распрашивала о квартирѣ, то сердилась.
Клеверову оставалось только успокоивать ея. Прѣ-
ѣхали. Марыя Васильевна старалась проинспицировать
въ комнаты такъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ хо-
зяевами дома, совершенно забывши, что рано или

поздо, а придется видеться съ ними. Клеверовъ предупредилъ ея, что хозяевамъ она отрекомендована за его сестру. Марья Васильевна осталась недовольна этимъ. О совмѣстномъ житьѣ съ Клеверовымъ она замѣтила только, что было-бы лучше, если-бы онъ не дѣлалъ этого. Особенного неудовольствія не высказала, можетъ быть потому, что была слишкомъ взволнована и разлукой съ дочерью и неизвѣстностью будущей жизни, теперь только нарисовавшейся въ ея воображеніи въ самомъ мрачномъ видѣ. Скучно прошель этотъ вечеръ! Бѣдная женщина не могла отдать себѣ отчета: для чего она это сдѣлала? чѣмъ будетъ жить? А вопросы эти мучили ея. Недавали они покоя и Клеверову. Страшно было обоимъ, хотя внутренно, дать добросовѣстный отвѣтъ на нихъ и они помирились на «авось».

Около мѣсяца прожили они хорошо: и другъ другомъ довольны и нужды не терпѣли. На другой мѣсяцъ началось безденежье. Загрустила Марья Васильевна; Клеверовъ, хотя и не показывалъ ей кошелька, но она видѣла ясно, что дѣла плохи. И обѣдъ уже не тотъ, и лакомства нѣтъ и расчеты въ коцкѣахъ начались. Скажетъ, бывало, Клеверову: «чѣмъ мы далѣе будемъ жить? А онъ — «будь покойна» и больше ничего. Онъ и самъ не разъ задавалъ себѣ этотъ вопросъ, да что отвѣтить-то на него? На нѣтъ, говорить, и суда нѣтъ. Къ труду Марья Васильевна, какъ оказалось, готова была только за словаѣ, а на дѣлѣ вышло, что это предметъ такой, за который въ двадцать шесть лѣтъ плохое приниматься, не бывши прежде знакомымъ съ нимъ.

Все рѣже и рѣже стали между ними разговоры о взаимныхъ чувствахъ. Оба стали отрезвляться. Какъ-то Марья Васильевна говорить Клеверову:

—За что ты любишь меня?

«Не за то, говорить онъ, чѣмъ ты есть, а за то чѣмъ ты могла-бы быть.»

Дни шли. Все скучнѣе и скучнѣе становились средства къ жизни. Марья Васильевна уже и высказывать стала неудовольствія, упреки. Клеверовъ старался прекратить разговоръ, а подъ часъ и грубымъ словцомъ отвѣчалъ. Оба старались обвинить другъ друга, хотя въ душѣ каждый сознавалъ свой промахъ. Клеверовъ крѣлся, Марья Васильевна

не вынесла. Пришел хозяинъ за деньгами впередъ за третій мѣсяцъ; денегъ не было. Надо было дѣлать что нибудь.

«Мама! Мама!» кричала маленькая Саша, прыгая от радости. «Ты совсемъ уже приѣхала? Не уѣдешь больше? Нѣтъ? Скажи-же, мама!» И мілый ребенокъ обивалъ рученками щеку Мары Васильевны и, крѣпко прижавшись къ ея груди, цѣловалъ ея. И долго еще спальня Мары Васильевны видѣлся огонекъ, и долго еще Саша до-прашивала ея: не уѣдетъ-ли она опять куданибудь?

А. Костровский

О БРАТСТВАХЪ

(Замѣтка «Черниговскихъ Епархіальныхъ Извѣстій.»)

На святой Руси, братства, выражавшія собою Христовъ законъ о любви, существовали съ самаго введенія христіанства въ наше отечество. *Братчины* сперва ограничивались заботою о приличномъ отправлѣніи храмового праздника. Въ XV в., на Югѣ, *братства* являются съ дѣятельностью болѣе обширною: они заботятся о храмѣ, о погребеніи бѣдныхъ, о призрѣніи нищихъ. Еще позже увидѣли нужду поручить братствамъ и заботу о содержаніи школъ.

Въ настоящее время, съ освобождениемъ крестьянъ,—и въ литературѣ, и въ жизни, идутъ толки о народномъ образованіи. Жалуются на недостатокъ средствъ. Сильно сомнѣваются и о томъ, кому поручить школы? Дирекціямъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія? У нихъ и безъ того много дѣла; да они и не дадутъ материальныxъ средствъ, въ которыхъ—большая нужда. Да и между народомъ и этими дирекціями нетъ и не можетъ быть никакого сближенія, кроме офи-

фициальныхъ—церемоній. Матеріальные средства для сельскихъ школъ могутъ быть даны только сельскими обществами: въ этомъ уже никто не сомнѣвается. Но тутъ представляется вопросъ, кото-
рого обойти никакъ нельзя: какимъ путемъ соби-
ратъ эти средства? Кто станетъ завѣдывать и рас-
поражаться употребленіемъ ихъ? Волостныя и сель-
скія управлѣнія? Не говоримъ о томъ, что онъ и
безъ того завалены дѣлами; содержаніе школъ, въ
такомъ случаѣ, получило бы видъ официальный,
видъ принужденія, наказовъ, раскладокъ, сборовъ
и т. п. Да и нечего грѣха таить: всѣ знаютъ,
какъ процвѣтали сельскія школы подъ вѣдѣніемъ
палать и волостныхъ начальствъ. Извѣстное дѣло,
что школы бывали безъ скамей, оконъ, безъ пе-
чей, а деньги, собиравшіяся на школы, дѣлились
по карманамъ головы, писара и окружнаго; настав-
ники не получали по полугоду жалованья оттого,
что неугодно было Шельменкѣ—писарю или голо-
вѣ—Заливаю. Пусть же не мудрятъ и не грѣшатъ,
и да пробудится святая, христіанская любовь въ
добрыхъ сердцахъ русскихъ. Духъ любви—умиѣ
всѣхъ хитро—придуманныхъ организаций—соеди-
нить лучшихъ членовъ сельскихъ общинъ въ тѣ-
чные круги на пользу школъ и на другія дѣла благо-
творенія. Всѣмъ будетъ покойно, когда школы бу-
дутъ на попеченіи братства. Священникъ будетъ
лучшимъ руководителемъ братскаго общества: онъ
не будетъ начальникомъ общества, а будетъ по-
мощникомъ и руководителемъ его въ богоугодномъ дѣлѣ. Любовь—дѣло самое простое; но потому—то она и умна, что проста, потому—то и благотворна,
что, при простотѣ пріемовъ, ея благодѣянія прямо
доходятъ къ цѣли, не зацѣпляясь ни за какие
крошки.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Въ Старобѣльскѣ—г. П. А. Головинскому:
ваше желаніе исполнено.

Въ Харьковѣ—г. Зухину: ни одна изъ до-
ставленныхъ вами статей не можетъ быть напечата-
на. Содержаніе вашихъ «хроникъ» слишкомъ од-

нообразно и мы готовы, пожалуй, воспользоваться
ими одинъ разъ въ мѣсяцъ, но не болѣе.—

ДНЕВНИКЪ.

—16—го августа, проживающій въ домѣ купца И-
вахненка, находящійся въ отпускѣ рядовой Степанъ
Григорьевъ Демьяненко, во время отсутствія жены
его Марфы Прокофьевой,—повѣсился въ стѣняхъ до-
ма на шелковомъ черномъ платкѣ, завязаннымъ
однимъ концомъ къ желѣзной ручкѣ дверей кладо-
вой. Демьяненко найденъ совершенно застывшимъ.

—18 августа, временно—обязанный крестьянинъ
помѣщика полтавской губерніи константиноградскаго
уѣзда Михаила Апостола—Кегичъ,—Василій Пав-
ловъ Гернцевъ, прийдя въ болѣзненномъ состояніи
въ г. Харьковѣ, въ домѣ вдовы титуллярнаго совѣт-
ника Недзвецкой, скоропостижно умеръ.

—19 августа, въ 4 часа утра, во дворѣ почет-
наго гражданина Василія Павлова, арендатора мѣ-
щаниномъ Петромъ Павловымъ, пріѣхавшій на яр-
марку государственный крестьянинъ курской губер-
ніи, слободы Ямской, Николай Васильевъ Захаровъ
скоропостижно умеръ.

—Въ ночь съ 18 на 19 августа, во дворѣ харь-
ковской мѣщанки Авдотьи Орѣщенковой произошелъ
пожаръ, отъ коего сгорѣли: деревянный домъ ея,
покрытый соломой, съ пристроенными къ оному
двумя плетневыми сарайями. Пожаръ, какъ дознано,
начался съ крыши отъ сарайчика, находящагося при
входѣ въ домъ, но причина неизвѣстна. Убытокъ
понесенный отъ пожара, совмѣстно съ движимымъ
имуществомъ квартировавшаго въ томъ домѣ госу-
дарственного крестьянина Ивана Дорагана, прости-
рается до 300 р. сер.

—Въ ночь съ 16 на 17 августа, неизвѣстно кѣмъ
похищено чрезъ растворенное окно со двора харь-
ковскаго купца Павченка, гдѣ калитка никогда не-
запирается, у квартирующаго тамъ во флигѣ ев-
рея Абрама Кохмана разныхъ вещей, на сумму

387 р., замшевый кошелек съ деньгами кредитными билетами 8 р. и мелочью неизвестно сколько и шкатулка, въ коей хранились деньги билетами четыре по 25 р., два по 10 р., одинъ въ 5 р. и три по 3 р. Шкатулка найдена въ палисадникѣ, раствореною, безъ денегъ. Въ похищении денегъ и вещей хотя и показано Кохманомъ подозрѣніе на работницу государственную крестьянку Прасковью Куткову, но по обыску у ней ничего не найдено.

— Того-же числа ночью, изъ дома вдовы штабсъ-капитана Натальи Зеленской, чрезъ незапертое окно, выходящее на дворъ, неизвестно комъ похищено платье испанского атласа чернаго цвета, обшитое бѣлою тесьмою и сапоги синеватаго въ залѣ временно-обязанного крестьянина Григорія Безроднаго, всего до 23 руб. Къ розыску похищенаго и похитителей приняты мѣры.

ЧАСТНЫЕ ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1) Правлениe харьковской акционерной компанiи по торговль шерстью, объявляетъ о потерь акцiй компанiи низжеслѣдующими владѣльцами:

1. Одна акцiя, выданная на имя штабсъ-капитана Федора Ивановича Тернова за № 507.

2. Три акцiи, выданныя на имя полковника Ивана Васильевича Малиновскаю за № 18, 113 и 482.

3. Тринадцать акцiй, доставшихся наследникамъ умершаго поручика Григорія Ивановича Веселовскаю по передаточнымъ надписямъ за № 248, 249, 250, 337, 338, 339, 340, 905, 906, 907, 2200, 2201 и 2202.

(404)—1.

На Конной улицѣ продается каменный двухъ-этажный домъ—за самую сходную цѣну; о цѣнѣ можно узнать у живущей въ томъ домѣ купчихи Бобровой. (111)—

3) Двѣ девицы, изъ коихъ одна желаетъ имѣть мѣсто губернантки знающая русскiй, французскiй и нѣмецкiй языки и музыку, а другая желаетъ преподавать уроки только музыки; спросить на Московской улицѣ, въ домѣ старой гимназии, въ магазинѣ Гинценгера. (196)—2.

4) Отдается бель-этажъ съ мебелью въ наемъ; на Московской улицѣ, въ домѣ Витковскаго, о цѣнѣ узнать въ магазинѣ Бонфоа.

(90)—2.

5) Продаются по дешевымъ цѣнамъ разныя оранжерейныя и тепличныя растенія и лучшія цветочные семена; также тамъ дѣлаются балочные и другіе букеты и висящія лампы для комнатъ. Адресоваться на Основу, къ главному садовнику Карлу Ивановичу Приферту. (200)—3.

6) На Сумской улицѣ, въ д. г-жи Антоновой, отдается квартира бель-этажъ съ антресолемъ и со всѣми службами. (96)—3.

7) Харьковской губернii змievскаю упѣда въ селѣ Гіевкѣ на р. Донецѣ, отдается крупчатая мельница о 7 поставахъ, въ арендное содержаніе, на разстояніи 50 верстъ отъ Харькова, помѣщика баронъ Раденъ; о цѣнѣ и условiяхъ можно узнать отъ самого владѣльца въ д. Гіевкѣ. (205)—4.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

въ Слесаревскомъ переулкѣ, (съ
(Московской улицы) въ домѣ
Кнепфера

МОСКОВСКАЯ КРАСИЛЬНЯ ВИШИНА.

Принимая въ краску шелковыя и шерстяныя матеріи, сукно и бархатъ во всѣ цвѣта и въ чистку матеріи всѣхъ цвѣтовъ и бѣлые, матеріи для мебели и драпировокъ чистатся и отдѣлываются за-ново и перекрашиваются подъ цвѣтъ комнатныхъ обоевъ и всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Въ настоящее время заведеніе мое имѣетъ много улучшений посредствомъ приобрѣтеній мною новѣйшихъ машинъ и проч. принадлежностей, что даетъ мнѣ возможность по умѣренной цѣнѣ исполнять заказы въ лучшемъ видѣ. (373)—4.

Г. ВИШИНЪ.

9) Получены изъ Москвы экипажи: карета полуторная, двѣ полушарманки съ дышломъ и оглоблями, тюльбери, сани четырехмѣстныя, обитыя трипомъ и двое саней одиночныхъ, всѣ они новыя; видѣть можно у харьковскаго моста, въ каретномъ ряду Кузнецова, лавка Щегилева. (208)—6.

10) На Сумской, въ домѣ Ермоленко въ низу во флигель отдается столъ—за умѣренную цѣну, по-мѣсячно. (75)—3

Одобрено цензурою. 6-го сентября 1862 г.

Б И Л Е Т Ы

П Я Т А Г О О Т ДѣЛ A

ВЫСОЧАЙШЕ РАЗРѢШЕННОЙ [ПОСЛѢДНЕЙ]

Л О Т Е R E И,

импнія Оришевъ, и значительныхъ денежныхъ суммъ, получены и продаются:

ВЪ МАГАЗИНѢ У К Ш Е.

Въ 1 классъ	1100	выигрышей,	главные выигрыши,	5,000 р. с.
въ 2 —	1100	.	.	6,000 —
въ 3 —	2800	.	.	250,650 —
— » —	.	.	.	20,000 —
— » —	.	.	.	15,000 —
— » —	.	.	.	6,000 —

Р О З Ы Г Р Ы Ш И:

1-го класса послѣдуетъ 6 и 7 сентября.

2-го — — — 17 и 18 октября.

3-го — — — 17-го декабря.

Цѣны: за полный билет 32 р., за полбилета 16 р., за четверть билета 8 р. 50 за всѣ три класса.

БОЛЬШІЕ ВЫИГРЫШИ 4-ГО ОТДѢЛА ПАЛИ:

2-го класса 15,000 р. на № 20191, въ Харьковъ.

3-го класса 10,000 р. на № 17576, въ Харьковъ.

3-го класса 425,700 р. на № 11487, въ Москву.

Желающіе участвовать на всѣ три класса, благоволять отнести въ магазинъ УКШЕ,— на Николаевской площади, въ домѣ Ковалева.

Тамъ-же выплачиваются выигрыши IV-го отпала. (600)—2.

За Редактора П. Пузановъ.